

ИМАЖИНИЗМ КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ ТЕЧЕНИЕ

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЕСЕНИН

Имажинизм (от лат. *imago* — образ) — литературное течение в русской поэзии XX века, представители которого заявляли, что цель творчества состоит в создании образа. Основное выразительное средство имажинистов — метафора, часто метафорические цепи, сопоставляющие различные элементы двух образов — прямого и переносного. Для творческой практики имажинистов характерен эпатаж, анархические мотивы.

Основные признаки имажинизма:

- главенство «образа как такового»;
- образ — максимально общая категория, подменяющая собой оценочное понятие художественности;
- поэтическое творчество есть процесс развития языка через метафору;
- эпитет есть сумма метафор, сравнений и противоположений какого-либо предмета;
- поэтическое содержание есть эволюция образа и эпитета как самого примитивного образа;
- текст, имеющий определенное связное содержание, не может быть отнесен к области поэзии, так как выполняет скорее идеологическую функцию; стихотворение же должно представлять собой «каталог образов», одинаково читаться с начала и с конца.

Теория имажинизма основным принципом поэзии провозглашала примат «образа как такового». Не слово-символ с бесконечным количеством значений (символизм), не слово-звук (кубофутуризм), не слово-название вещи (акмеизм), а слово-метафора с одним определенным значением является основой имажинизма. В вышеупомянутой Декларации имажинисты утверждали, что «единственным законом искусства, единственным и несравненным методом является выявление жизни через образ и ритмику образов... Образ, и только образ <...> — вот орудие производства мастера искусства...»

Среди исследователей и литературоведов до сих пор идут споры о том, следует ли имажинизм поместить в один ряд с символизмом, акмеизмом и футуризмом, трактуя творческие достижения этой поэтической группы как «интересное явление литературы постсимволизма и как определенный этап развития», или корректнее было бы рассматривать это явление в ряду многочисленных течений и объединений 20-х годов XX века, которые, развиваясь в общем духе авангардизма, не смогли открыть принципиально новых путей развития поэзии и в итоге остались только эпигонами футуризма.

Так же как символизм и футуризм, имажинизм зародился на Западе и уже оттуда был пересажен Шершеневичем на русскую почву. И так же, как символизм и футуризм, он значительно отличался от имажинизма западных поэтов.

Точкой отсчёта в истории имажинизма считается 1918 год, когда в Москве был основан «Орден имажинистов». Создателями «Ордена» стали приехавший из Пензы Анатолий Мариенгоф, бывший футурист Вадим Шершеневич и входивший ранее в группу новокрестьянских поэтов Сергей Есенин. Черты характерного метафорического стиля содержались и в более раннем творчестве Шершеневича и Есенина, а Мариенгоф организовал литературную группу имажинистов ещё в родном городе.

Имажинистскую «Декларацию», опубликованную 30 января 1919 года в воронежском журнале «Сирена» (а 10 февраля также в газете «Советская страна», в редколлегия которой входил Есенин), кроме них подписали поэт Рюрик Ивнев и художники Борис Эрдман и Георгий Якулов.

29 января 1919 года в Союзе поэтов состоялся первый литературный вечер имажинистов. К имажинизму также примкнули поэты Иван Грузинов, Матвей Ройзман, Александр Кусиков, Николай Эрдман, Лев Моноззон.

« 42-сантиметровыми глотками на крепком лафете мускульной логики мы, группа имажинистов, кричим вам свои приказы.

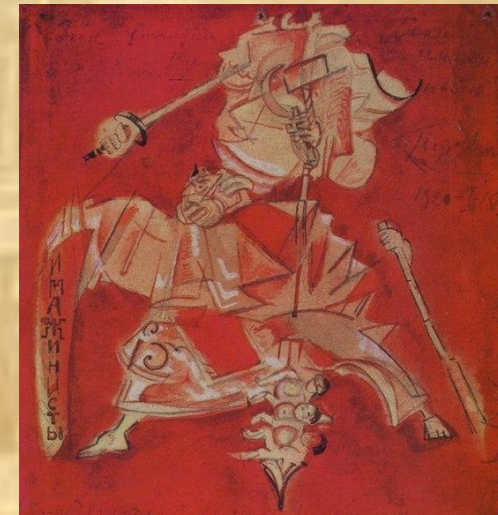
Мы, настоящие мастерские искусства, мы, кто отшлифовывает образ, кто чистит форму от пыли содержания лучше, чем уличный чистильщик сапоги, утверждаем, что единственным законом искусства, единственным и несравненным методом является выявление жизни через образ и ритмику образов. О, вы слышите в наших произведениях верлибр образов. Образ, и только образ. Образ - ступнями от аналогий, параллелизмов - сравнения, противоположения, эпитеты сжатые и раскрытые, приложения политематического, многоэтажного построения - вот орудие производства мастера искусства. Всякое иное искусство - приложение к "Ниве". Только образ, как нафталин, пересыпающий произведение, спасает это последнее от моли времени. Образ - это броня строки. Это панцирь картины. Это крепостная артиллерия театрального действия.

Передовая линия имажинистов.

Поэты: Сергей Есенин, Рюрик Ивнев, Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич.

Художники: Борис Эрдман, Георгий Якулов.

Музыканты, скульпторы и прочие: ау?»

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

1895-1925 гг.

Сергей Александрович Есенин родился 21 сентября 1895 года в рязанском селе Константиново. Происходил из крестьянской семьи. При этом его мать была выдана замуж поневоле, поэтому, когда Сереже исполнилось два года, семья распалась. Мальчика отдали на воспитание бабушке и дедушке по материнской линии.

Бабушка рассказывала Есенину множество народных песен, стихов, частушек, сказок и преданий, которые и стали «основой» его поэтической природы.

В Константинове Есенин с отличием окончил местное земское училище. После чего продолжил обучение в церковно-учительской школе городка Спас-Клепики. Есенин обучался на учителя грамоты, однако эта профессия его не привлекала и в 1912 году, он уехал вместе с отцом на заработки в Москву.

В Москве он сначала работал в мясной лавке, затем – в книжном магазине.

В 1913 году поступил на историко-философский факультет университета им.А.Шенявского. Проучился там полтора года. Одновременно с этим работал в типографии и общался со многими известными поэтами.

Начало творческого пути Есенина

Есенин начал писать стихи в девять лет, но тогда его сочинения походили больше на частушки и народные напевы.

С 1912 года сотрудничал с «Суриковским литературно-музыкальным кружком», где нашел много единомышленников.

Впервые его стихи были опубликованы в 1914 году в журнале «Мирок», среди дебютных стихотворений – знаменитая «Береза».

В 1915 году Есенин осознал, что литературная жизнь проходит в основном в столице, поэтому переехал в Петроград, где очень скоро стал желанным гостем престижных литературных салонов. В 1916 году выходит его первый сборник стихотворений – «Радуница». Критики с восторгом приняли этот сборник, отмечая непосредственность и природный вкус автора. Есенин быстро стал популярным: златокудрый крестьянский юноша, символизировал что-то близкое, родное, но навсегда уходящее.

Служба в армии и революция

С 1916 года Есенин работал санитаром в Царскосельском военно-санитарном поезде императрицы Александры Федоровны. При этом посещал многочисленные благотворительные концерты и приемы, на одном из которых произошла его встреча с царской семьей. В этом же году вместе с монаршей четой он посетил Евпаторию. Но в 1917 году Есенин попал в дисциплинарную часть за отказ написать стихотворение в честь императора. Там он узнал о революции.

Революцию Есенин встретил воодушевленно с надеждой на «преображение» России. Но вскоре понял, что революция – это еще и разруха, голод и террор. В 1918 году снова переехал в Москву. Есенин был в растерянности от происходящих событий: изменения коснулись всех сфер жизни, творческие салоны и общества наполнились далекой от литературы публикой.

Анна Романовна Изряднова

Зинаида Николаевна Райх

Надежда Давыдовна Вольпин

Галина Бениславская

Айседора Дункан

Августа Леонидовна Миклашевская

Шаганэ (Шагандухт) Нерсесовной Тальян

Софья Андреевна Толстая

«Гой ты, Русь, моя родная...»

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края -
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

«Спит ковыль. Равнина дорогая...»

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси -
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

«Не бродить, не мять в кустах багряных...»

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Всё ж, кто выдумал твой гибкий стан и
плечи -
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

Письмо матери

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечалось,
Не волнуй того, что не сбылось,-
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.